

Дмитрий ЖУКОВ

Лики музыки

Мы уже знакомили читателей с творчеством Евгения Дмитриевича СПАССКОГО (1900–1985) – одного из крупнейших художников-визионеров XX века (см. № 9, 2015). Но за рамками той публикации осталось множество интереснейших работ мастера, заслуживающих внимания. Особое место в наследии художника принадлежит портретной галерее деятелей мировой культуры, создателей мировых религий и мифологических героев.

В этой удивительной галерее представлены и музыканты и композиторы – знаменитые и не столь известные.

Музыкальное искусство всегда занимало в иерархии творчества высокое место. Артур Шопенгауэр говорил о совершенно особой ценности музыки в жизни человека, считая, что Природа не во всех своих творениях достигает задуманной цели, то есть не может выразить свой замысел полностью, во всех нюансах. И природа призывает на помощь человека – художника, который в своих творениях пытается проникнуть в её замысел, обобщить её цели и выразить их в создаваемом образе.

Мелодии и гармонии тонов выражают саму сущность природы. Музыка для Шопенгауэра – это прежде всего воплощение воли природы, в то время как все другие искусства являются выражением её идей. Настоящий музыкант слышит ритм Божественной воли – удары её пульса. Творец музыки – композитор – ближе других людей искусства к сердцу мира. И потому музыка столь сильно воздействует на душу человека.

Евгений Дмитриевич Спасский описал в своих воспоминаниях те ощущения и переживания, которые он испытал при встречах с музыкой. Уже в раннем детстве он был способен видеть сущность самых обычных явлений природы, как бы их душу. «Очень ярко стоит передо мной следующая картина: вечерело, я сидел на последней ступеньке лестни-

Музыка

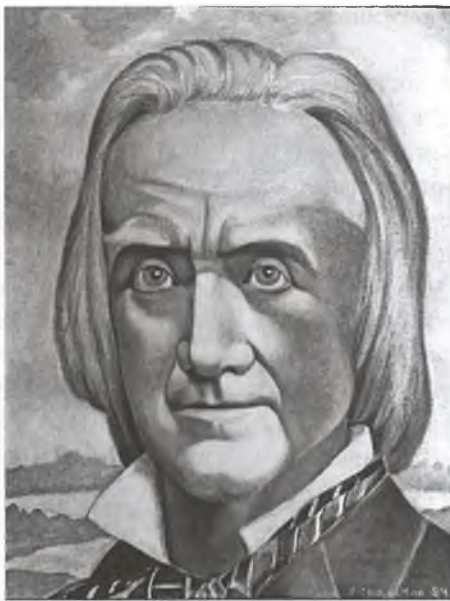
цы, выходящей с террасы во двор. По небу высоко бежали гонимые ветром облачка, белые маленькие облачка на синем вечернем небе. Я был заморожен этой картиной. Замер, смотрел и не мог оторваться. Там всё было наполнено живыми существами, всё наполнено жизнью и звучанием, и мне хотелось понять и расслышать, о чём там шептали другие существа. И вдруг прервал моё созерцание голос отца. Он, оказывается, за мною следил и с удивлением спросил: «Ты что там видишь, на что смотришь?». Я спокойно и уверенно ему ответил, что вижу ангелов. Мне казалось это таким простым и реальным, что я был поражён его непониманием. И он, и я этот вечер запомнили навсегда».

Творческая атмосфера в семье, феерическая красота природы Кавказа, где он прожил до 14 лет, сыграли важную роль в формировании духовного мира будущего художника. «До шести лет я был предоставлен самому себе. Играл с деревенскими ребятами, погружался в их язык, прислушиваясь к гортанной речи, к их своеобразной музыке и танцам. А главное – впитывал в себя всю окружающую красоту. И только через много, много лет я понял и оценил всё значение для юной, формирующейся души, окружающей меня красоты гор, и быстро, с шумом бегущих рек».

Уже в детстве проявился у него интерес к музыке: «Меня всю жизнь волновали музыкальные инструменты. И помню, когда я был чуть-чуть постарше, отец взял меня с собой в цирк на дневное представление. Там клоуны играли на метле, на которую была натянута одна струна. Этот инструмент у меня получился, я играл на половой щётке, подбирая по слуху детские песенки, и мне самому мои концерты очень нравились...». Любовь к музыкальным инструментам Евгений Дмитриевич пронёс через всю жизнь. Директор Фонда наследия Евгения Спасского Вера Головина, лично знавшая художника, вспоминает, что он хранил в своей квартире две флейты, подаренные ему в 1920-е годы его другом и духовным наставником Борисом

Леманом, известным поэтом и музыковедом, одним из руководителей антропософского движения в России. Как известно, флейта – один из самых древних и священных музыкальных инструментов в мире... В 1977 году Спасский написал портрет Бориса Лемана, держащего в руках любимый инструмент.

В восемь лет родители отдали Евгения в тифлисскую художественную школу для обучения игре на скрипке. Преподавателем его стал Виктор Робертович Вильшау. «Это был замечательный человек, – вспоминал Евгений Дмитриевич, – и очень чуткий музыкант. Я был поистине в него влюблён, но мне каждый раз было стыдно к нему приходиться, так как я очень мало занимался дома над заданным уроком». Вильшау очень любил скрипку, на которой занимался его ученик. Почти всегда перед уроком он её сам настраивал. Часто после этого, очарованный звучанием инструмента, начинал на ней играть и забывал об уроке. «Я замирал, стоя около него, я ведь тоже любил музыку, любил слушать, когда он начинал увлечённо играть, я мог так стоять не двигаясь сутки и если нужно – больше, уносимый звуками в бесконечность. Он же играл волшебным, взволнованным, вдохновенно. Я любовался его рукой, эластичными пальцами, на кончиках снабжёнными мягкими подушечками, пальцы его двигались по струнам, словно каучуковые, лаская гриф. А иногда из ласковых они превращались в волевые, властные, я так был очарован его игрой! Я не мог оторвать глаз от его руки.

Улле Буль, норвежский музыкант и скрипач

тебя, поступил в школу живописи, ваяния и зодчества при императорской Академии Художеств в Тифлисе».

Но трепетное отношение к музыке художник пронёс через всю жизнь, раскрывая в образах композиторов и музыкантов тайны музыкальных миров. И первым в этой галерее можно считать созданный художником образ-символ самой Музыки («Музыка», 1967).

Спасский изобразил греческого музыканта, задумчиво перебирающего струны арфы. Рельефная выделенность мимических мышц выше уровня век отсылает нас к парсунам, первым светским портретам, занявшим в русской живописи место между церковной иконой и мирским образом в конце XVI–XVII веках. Возможно, это сам «сладкозвучный» певец Орфей, сын речного бога Эфра (потомка титана Атланта) и музы эпической поэзии, науки и философии Каллиопы. Игра Орфея на золотой лире, подаренной ему самим Аполлоном, завораживала не только людей, но и зверей, деревья, скалы. Считается, что именно в Древней Греции музыка достигла наивысшего уровня. Само слово «музыка» древнегреческого происхождения, буквально оно означает «искусство муз» – девяти богинь древнегреческой мифологии, каждая из которых олицетворяет какой-то вид искусства.

Каждый портрет из «музыкальной серии» Евгения Спасского – это жизнь творца и его музыкальных произведений. Можно ли красками и линиями передать звуки, зафиксировать их на холсте или бумаге? Спасский су-

Мы, видимо, оба впадали в транс и пробуждались только тогда, когда открывалась дверь класса и входил следующий ученик. Он бывал очень растерян и с большим удивлением спрашивал: «Неужели уже прошёл урок?» И, отдавая мне скрипку, прибавлял: «Ты мне не давай её настраивать».

Такие уроки были праздниками для Евгения, он словно участвовал в священнодействии, очарование которого сохранил до конца своих дней. «Он первый мне открыл таинственную красоту человеческой руки, гибкой, выразительной, умеющей творить прекрасное в мире, – писал Спасский. – Но я должен был с ним проститься, и, прощаясь, мы оба плакали. Тяга к рисованию пересилила, и в 12 лет я, не говоря ни слова роди-

мел. Он показал музыку через её творцов – композиторов и музыкантов.

...Вот Моцарт. «Невероятная гениальность возвысила его над всеми мастерами всех искусств и всех столетий», – так сказал о Моцарте Рихард Вагнер. Чайковский в одной из своих дневниковых записей признавался, что никто не сумел заставить его так трепетать от восторга и плакать, настолько почувствовать свою близость к идеалу, как Моцарт.

У Спасского мы видим не просто великого музыканта, а словно бы само божество Музыки. Так боги спускались с небес – в окружении клубящихся облаков. Это образ титана, явленный из высших сфер Бытия, его облик наполнен неземной силой и Божественным спокойствием. Так мог бы выглядеть сам Аполлон, решивший посетить наш мир. Картина называется «**Реквием. Вольфганг Амадей Моцарт**» (1959). Почти все биографы великого композитора отмечают болезненную мистическую атмосферу, окружавшую Моцарта при создании этого произведения. Обстановка, при которой ему был заказан «Реквием», напоминала готические романы Гюстава Майринка. Незадолго до смерти композитора посетил таинственный незнакомец в чёрной маске и чёрном плаще и заказал ему реквием. Моцарт погрузился в работу, но образ «чёрного человека» неотступно преследовал его. Ему стало казаться, что эту заупокойную мессу он пишет для себя самого. Работа над «Реквиемом» так и не была завершена. Произведение закончили ученики композитора...

Тема моцартовского «Реквиема» в мировой культуре – это обречённость таланта, его бессилие перед губительным неумолимым роком. Но Спасский даёт совершенно иную трактовку «Реквиема»: спокойное осознание творческого итога, добровольный уход в иные сферы Бытия в облаке, больше похожем на крылья ангела. Так на православных иконах изображают серафимов и херувимов – лик в окружении белоснежных крыльев.

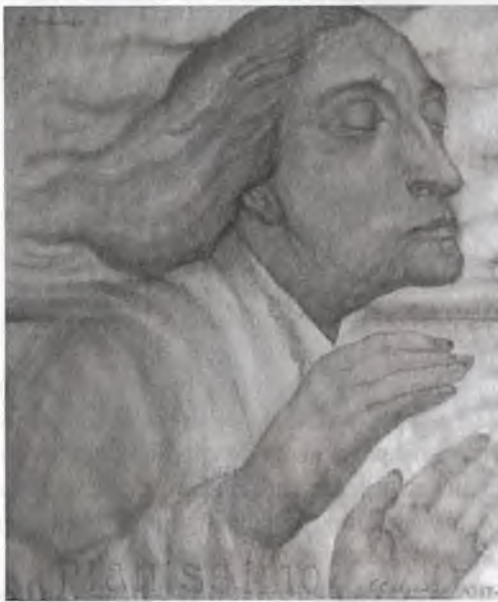
...Никколо Паганини некоторые называли наиболее яркой личностью музыкальной истории. В начале XIX века

во многих столицах Европы появились портреты странного человека. Бледное, как будто восковое лицо, спутанные чёрные волосы, большой крючковатый нос, горящие, как угли, глаза и огромный шарф, укутывающий едва ли не всю верхнюю половину тела. При взгляде на портрет люди шептали: «Похож на дьявола». Таков был знаменитый композитор и виртуозный скрипач. Дурная слава, журналистские обвинения во всех смертных грехах, суеверные подозрения в «нечистом», дьявольском происхождении его мастерства преследовали музыканта всю жизнь. Маэстро же более всего интересовала Музыка...

«Скрипач дьявола», гениальный чудак? Нет, не таким увидел Спасский своего героя. Картина «**Никколо Паганини**» (1963) открывает нам гордый и благородный облик любимца Евтерпы, музы лирической поэзии и музыки, далекий от расхожих представлений толпы XIX века. Он сам – основа музыкального звука. От него, как от камертона, расходятся, подобно кругам по воде, голубовато-бежевые волны чистых музыкальных импульсов, пробуждая в душах людей любовь к высокому и прекрасному, к Божественной музыке.

...Для указания крайних степеней громкости и тишины

в музыкальной динамике используются дополнительные буквы *f* (форте – итал. *forte* «громко») и *p* (пиано – итал. *piano* «тихо»). В музыкальной литературе встречаются обозначения *ff* и *pp*. У них нет стандартных названий, обычно говорят «форте-фортиссимо» и «пиано-пианиссимо». В работе «**Антонио Вивальди. Пианиссимо**» (1967) виртуозно передано это неуловимое музыкальное состояние. Мы не столько видим, сколько слышим это идущее к нам с холста, как бы это ни казалось удивительным, звучание – «очень тихо». Антонио Вивальди – ещё один композитор-скрипач в галерее Спасского, ещё один гений музыки, обогативший мир своим искусством. С детства пребывая в окружении духовенства и музы-

Антонио Вивальди. Пианиссимо

кантов, молодой Вивальди решает стать священником. Но он никогда не прекращал занятия музыкой. Успехи его были столь впечатляющи, что Антонио даже преподавал в одной из лучших музыкальных школ Венеции,

своего родного города. И неспроста запечатлён он на холсте Спасского в облике дирижёра. Ведь Антонио Вивальди стал руководить оркестрами. И вот на картине он словно направляет согласованное звучание музыкального коллектива. По лёгкому мановению его чутких рук в замершей тишине начинает звучать музыка – *очень тихо*, на самом краю воспринимаемого звукового диапазона... Она заставляет нас обратить внимание на то, что обычно теряется в шумной какофонии большого мира.

Согласно древнему эзотерическому правилу, авторство которого приписывают мифическому Гермесу Трисмегисту*, «вверху всё подобно тому, что внизу, и внизу всё подобно тому, что вверху». Кто понимает это высказывание в высшем смысле, тот постепенно учится познавать в явлениях мира то ценнейшее, что проявляется как отражение более высоких миров Бытия. И в музыке он также будет ощущать картину высшего мира.

Среди портретов композиторов Спасского есть несколько работ, запечатлевших соприкосновение творцов с тем высшим миром, откуда, согласно духовной науке, через избранных людей, приходит в наш мир Музыка. Это портреты **Георга Фридриха Генделя (1969)** и **падре Мартини (1969)** – музыкальных гениев XVIII столетия.

Выдающийся немецкий и английский композитор эпохи барокко Гендель открыл новые перспективы в развитии жанра оперы и оратории. В своих произведениях он предвосхитил многие музыкальные идеи последующих столетий – оперный драматизм Глюка, гражданственный пафос Бетховена, психологическую глубину романтизма. Перед Генделем преклонялись многие композиторы (в их числе Бетховен). В своём эссе «О Генделе и англичанах» Бернард Шоу писал: «Для англичан Гендель не просто композитор, но объект культа. Скажу больше – религиозного культа!.. Гендель обладал даром

Георг Фридрих Гендель

убеждать. Когда звучит его музыка..., атеист теряет дар речи: атеист, слушая Генделя, начинает видеть Бога, посаженного на извечный престол ...Вы можете презирать кого и что угодно, но бессильны противоречить Генделю».

Джованни Баттиста Мартини, итальянский композитор, педагог, музыковед, певец, скрипач, клавесинист, более известный как «падре Мартини», почти всю Европу учил музыке с величайшим смирением и любовью. С ним в Болонье, где падре служил капельмейстером в церкви Сан-Джованни ин Монте, принадлежавшей ордену францисканцев, встречался Моцарт. «Он соединяет с целомудренностью в жизни и простотой манер природную весёлость, мягкость и чело-

веколюбие», – писал о падре Мартини английский музыкант и учёный Чарлз Бёрни. У Мартини учились Иоганн Кристиан Бах (сын Иоганна Себастьяна Баха), Никколо Йоммелли и наш композитор Максим Созонтович Березовский – создатель классического типа русского хорового концерта.

Художник запечатлел композиторов в том высшем состоянии сознания, когда, согласно духовной науке, человек чувствует себя астральным существом внутри самого астрального мира, когда, проходя через глубокую тишину, человек сам становится цветом и светом. Постепенно тишина просыпается в звуке. Сначала тихо, потом всё громче и громче начинает она духовно вибрировать. Мир света и красок наполняется поющими тонами, и то, что было светом, начинает обретать музыкальное воплощение. В море звучащего света проглядывают черты задумавшегося музыканта и композитора Генделя. На другой картине мудрый и пронизательный взгляд падре Мартини обращён к нашим душам из неимоверно далёких и в то же время таких близких и родных нам вселенных... И мы понимаем, что видим сам момент творчества, когда из запредельно высоких миров через избранного провидением музыканта нисходит на землю сама Музыка Сфер...

Где видел художник эти тона, эти мерцающие цвета, где пережил встречу с этим текущим морем света и красок, с искрящейся и лучащейся глубиной звука?..

* *Гермес Трисмегист (Трижды Величайший), имя божественного мудреца, сочетающего в себе черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тот и древнегреческого бога Гермеса. В христианской традиции – автор теософского учения (герметизм), излагаемого в известных под его именем книгах и отдельных отрывках (т. н. «Герметический корпус»).*